

ИЗ ЗАПИСНЫХ КНИЖЕК

В. И. ТУРЕНСКОЙ

Записная книжка писателя. Его постоянный спутник. Внезапно пришедшая мысль, слово, схваченное налету, — записаны наспех. Позже одна фраза может развернуться в целую сцену большого произведения или в отдельный рассказ, а может так и остаться небрежной заметкой в записной книжке.

В литературном архиве В. И. Туренской осталось более пятидесяти записных книжек. В них огромное количество фактического материала, собранного при работе над книгами «Дорога Елены Никитиной», «Девятая», «Крутая радуга», а также для книг, которые были в планах на будущее, — это повесть о школе-интернате, роман «Град Китеж». Кроме этого здесь много жизненных наблюдений, случайно увиденных эпизодов, раздумий автора над жизнью, коротких пейзажных зарисовок, чем-то взволновавших писателя. Записаны и меткие слова, подхваченные из разговорной речи народа.

Мы публикуем некоторые заметки из записных книжек В. И. Туренской. Эти заметки как бы вводят нас в творческую лабораторию писателя, в мир его раздумий и чувств.

* * *

Смотр сельской самодеятельности. На сцену выходит смущенный, красный и небритый дядя. Кряж. На нем дешевый костюмишка, одной пуговицы не хватает, брюки заправлены в сапоги (не менее 45-го размера). Дядя на возрасте: лысина, седина. Такой он большой и нелепый в бархате сцены, что публика добродушно посмеивается. В довершение всего дядя шурит глаза и смущенно облизывает губы. Зал готов разразиться хохотом. Но вот первые звуки баяна — и нескладный гигант преобразается.

Поет он «Россия — Родина».

Слезы навертываются на глаза от волнения.

«Где найдешь людей могучей...»

Да! Такой защитит, такой вызовет. В его руках была винтовка, которая принесла победу.

И сейчас же голос льется нежностью:

«Светит солнышко на небе ясное...»

Русский ты, ясный человек. Имени твоего не знаю. Знаю: живешь, побеждаешь, строишь.

Слава тебе!

К чабану на Черные земли автолавка привезла товары. Раскинув на руках шелковистую шерстяную ткань, он в раздумье произносит: «Вот оно как обернулось...» Ткань отликает серебром на солнце, а в глазах чабана дымка волнения: в этой ткани все — грозы и бураны, тысячи километров, что прошла его отара, ветры и зной...

Мальчик четырех лет серьезно и с укором: — У вас очень плохой телевизор: он даже фашистов показывает.

«Все проходит», — какая жалкая, бессильная философия выражена в этом! Пусть ничто не проходит, пусть все оставляет свой след в душе, след, похожий на цветок или на рану, но пусть душа живет, мучается, тоскует, радуется, возносится к небу и падает в бездну.

Пусть ничего не проходит бесследно, и тогда

богатым и мудрым, простым и ясным станет сердце и будет способно увидеть слезу на стволе

сгорающего в осеннем пожаре дерева и улыбку цветка в майское светлое утро.

И радость и горе зову я в сердце мое!

Березка, растеряв почти все листья, непрерывно и мелко дрожала. В лучах заката оставшиеся листочки жарко вспыхивали и погасали. Казалось, пламя обжигает ее всю и сейчас перекинется на белый ствол.

Лошадей он знал приблизительно: ходят по улице, спереди голова, сзади хвост. А тут вдруг оказался в кавалерии. Впрочем, с лошастью они понимали друг друга прекрасно. Он ее заботливо чистил, прикармливал сахаром из солдатского пайка. Она была невозмутимо спокойна. На учениях старательно обходила все препятствия. Офицер ругался, а он доказывал: «Она мыслит логично: зачем прыгать, если можно без труда обойти».

Каждый новый герой в произведении — это еще одно измерение действительности, иначе зачем он нам нужен!

Недостатки людей связаны с их достоинствами. Там, где происходит гиперболизация достоинств, — это уже пороки.

Доброта становится мягкотелостью.

Решительность — жестокостью.

Чистота — пуританством.

Принципиальность выглядит занудно, если все они в дозах более 100%.

Судьба одинокого человека — работа, работа, работа. Тогда он счастлив. Но как только останавливается ее колесо — так глубже и чернее у самых ног пропасть одиночества. Закрывать глаза, взмахнуть руками и вниз!.. В целях человеколюбия надо запретить праздники для одиноких людей!

Так работай же! Будь счастлив!

Прямой и честный человек оказался в центре хитросплетений и склоки. Его недоумение и беспомощность принимаются за слабость. Его попытки решать честно и примириться с врагами

— за лавирование.

Она была неглупа, но «руководящие посты» изрядно подпортили ее: ей казалось нормальным погнать человека за каким-нибудь пустяком, оборвать чужой даже взволнованный рассказ — ее время дороже. Может, оно и было так, но где-то пролегалась грань, за которой терялось уважение к человеку.

Ей стукнуло 50. «Почитай стихи, чтобы я уснула»,— сказала она. А в 20 писала стихи, над которыми плакали люди.

Пионервожатая, разгневавшись на шум в классе, сняла галстуки сначала с троих, а потом со всех. Заявила: «Исключаю из пионеров!»

Две дамы на выставке французского искусства около скульптурной группы «Лев, терзающий вепря».

ОДНА: Как он выгнулся!

ВТОРАЯ (рассудительно): Укуси вас за ухо, вы еще не так выгнетесь.

Река состояла из водорослей и лягушек.

«Сегодня у нас с женой «ледовое побоище» будет, а потом: «Мать, мы с тобой ссорились?». «Ссорились». «Мирились?» «Мирились». «Так ставь магарыч!»

Врет вдохновенно, не задумываясь. С цифрами, с точными адресами. Врет потому, что так устроен.

Справка: «Дана Шаше Габиевой и другим несознательным и циничным гражданам, которые приходят в ветпункт, когда хотят, а главное, не приводят свой скот на осмотр». (Штамп, печать, подпись). С этой справкой несчастная Шаша вместо того, чтобы разорвать ее, ходит во все инстанции, прося избавить от позорящей бумаги.

Из речей ораторов на различных совещаниях.

«Молодость летает вольной пташкой — старость ползет черепашкой».

«Он молодец: иголкой колодезь выкопает, с ореха мешок шерсти настрижет».

«Как ни вертись собака, а хвост позади».

«Пьет без отрыва от производства, но освободить нельзя — уж очень ценная кадра».

«В тихом омуту и черти в хомуту».

«У нас не дороги, а вальс «Амурские волны».

«Провалил работу и огородился телеграммами, звонками, планами на будущее».

«Овец по-разному можно стричь. Можно так, что половина шерсти останется, а можно так, что половина кожи».

«Если мы свинью не раскрутим, нам в соревновании не победить».

«Инспектор пришел проверять класс и уснул за партией. Ученика спрашивают: «Почему в школе водкой пахнет?»

«Меняет шкуру, да не натуру».

«Областной заготовитель Облплита для себя корзиночку яблок приласкал».

«Тетке Меланье 104 года, торгует ворованным мясом около мясокомбината. Наказать нельзя — крайздрав возражает: «Она на учете как долголетик состоит».

«Свинья такая голодная, что на председателя бросается... Овечка благороднее — поддыхает тихо, без шума, председателю никакого беспокойства».

«Он нанес мне критику».

«Проклятая птичка!» (около плана мероприятий).

«Ангелочек этакий, животик у него через ремень перекатывается, справный весь: силится ногу на ногу положить, не выходит — толщина не позволяет. Вот так и поправляется, а дело худеет что ни час».

«Жисть хороша, одно плохо что старимось».

***

По склонам вниз сбегает любопытные деревца, разряженные осенью в золотые и красные платья. В ущельях столпились темные, неподвижные ели. За их зубцами открывается город. Туман растушевывает очертания отдельных зданий. Ближе всех на горе, возвышаясь над верхушками деревьев,— белое здание санатория, похожее на огромный теплоход. И кажется, вот-вот он оторвется от причала и поплывет по волнам серого тумана мимо скал и зеленых берегов.

С упоением и остервенением лечится. С затаенной завистью расспрашивает всех о процедурах. Выбивает у врача ненужные ей дарсанваль и ингаляцию.

Считает и говорит, что вся ее жизнь посвящена мужу, заботам о нем, хотя неизвестно, когда она может эту заботу проявлять: месяц в Кисловодске, месяц в Сочи, месяца два на недомогания, длительная поездка к сестре в Москву. «Вы понимаете, я шью только в Москве. Моя модистка — это художница. И знаете, только она

